

Сванидзе: Здравствуйте, у нас в России, как известно, прошлое непредсказуемо. Каждое время воспринимает прошлое по-своему. В эфире «Суд Времени». В центре нашего внимания исторические события и персонажи, проблемы, их связь с настоящим. Судить историю вы будете вместе с нами — у вас есть возможность голосовать. Такая же возможность будет у сидящих в зале.

Сегодня мы открываем слушание по делу римского гражданина Гая Юлия Цезаря. Мало кто из жителей мира никогда не слышал об этом гражданине. Даже вратарь бразильской сборной по футболу носит имя Жулио Сезар, и не только вратарь, но и летний месяц – Июль, и календарь, и салат «Цезарь» с курицей и креветками.

Гай Юлий Цезарь — один из наиболее крупных деятелей всемирной истории. Он — символ человека, обладающего самыми разными талантами в самых разных сферах человеческой деятельности: от полководческой до ораторской. Более двух тысяч лет назад он жил и правил в Риме — великом государстве, положившем начало современной цивилизации. Именно при Цезаре Римская республика начала свое превращение в Римскую Империю. Главный вопрос наших слушаний: «Гай Юлий Цезарь: губитель республики или спаситель государства?»

Мы запускаем голосование для нашей телевизионной аудитории.

Номера телефонов вы видите на ваших телеэкранах.

Обвинитель на процессе — писатель Леонид Млечин.

Защитник – Сергей Кургинян, политолог, президент международного общественного фонда «Экспериментальный творческий центр».

Прошу вывести на экран материалы по делу.

Материалы: 13-го декабря 50-го года до нашей эры. Для древнего Рима в этот день началось смутное время. Тогда легендарный военачальник Помпей получил из рук своих сторонников символический меч для защиты свободного строя, республики. Неизвестно, какой была бы история не только Рима, но и Европы, если бы по другую сторону баррикад, а в последствии Рубикона, не оказался Гай Юлий Цезарь. По мнению некоторых историков, именно этот человек коренным образом изменил культурный и политический облик европейцев и на века предопределил развитие Европы.

В первом веке до нашей эры Древний Рим представлял из себя разрозненное собрание завоеванных земель, население которых время от времени поднимало мятежи. Высший орган власти — сенат — находился в Риме. И как считал Юлий Цезарь, не сильно заботился о благополучии разбросанных по Средиземноморью подданных.

Во всей реформаторской деятельности диктатора исследователи отмечают две основные идеи: объединение Римского государства в одно целое и усиление центральной власти. Для осуществления этих задач Цезарю были необходимы неограниченные полномочия. Но, памятуя о неудачном опыте семи царей, из-за которых римляне на дух не переносили монархию, от идеи примерить на себя титул монарха Гай Юлий Цезарь категорически отказался. Он пошел другим путем — не нарушил ни одного закона республики, но при этом ему удалось стать пожизненным диктатором, сосредоточив в своих руках возможности всех властных органов. Этой новой власти он дал имя «империум» — боевой клич, которым войска приветствуют победителя.

Но до установления Римской империи Цезарь не дожил. Как ни странно, его убийство, пытавшимся вернуть власть сенатом, только ускорило гибель республики и рождение автократии. Историки до сих пор не могут прийти к единому мнению: был ли диктат Цезаря единственной альтернативой для тонущего под собственной тяжестью Рима? Могла ли республика сама справиться с вызовами нового времени? Какое наследие Европе оставил Цезарь? И какой бы была история старого света без Гая Юлия Цезаря?

Сванидзе: До начала прений у меня вопрос к Млечину и Кургиняну: тема (ведь все происходило больше 2-ух тысяч лет назад) сегодня актуальна? Прошу вас, сторона обвинения, Леонид Михайлович.

Млечин: Благодарю вас, ваша честь, это не будет сегодня спор об истории, Вы абсолютно правы. Цезарь – это символ, и сегодня будет спор на историческом материале о принципах и идеях, которые волнуют нас сегодня. Что лучше — демократия или диктатура? Какими принципами должно управляться государство, и какой властитель нам нужен? Наша сторона докажет, что демократия лучше диктатуры и демократический правитель лучше диктатора.

Диктатура не приносит государству ничего, кроме несчастья. Не приносит она счастья и самому диктатору. Я позволю себе напомнить, как закончил жизнь Цезарь. Когда он был убит, его тело валялось у статуи Помпея, никому не нужное. Потом появились три раба, бросили его тело на носилки, и его рука бессильно свалилась с носилок. Диктатор не нужен никому. Диктаторская власть слаба, плоха и неудачна. Ваша честь, мы докажем это на сегодняшних слушаниях.

Сванидзе: Спасибо, Леонид Михайлович.

Сторона защиты, Сергей Ервандович.

Кургинян: Цезарь, Рим – это символ огромной, притягательной силы. Помните эти фильмы, «Гладиатор» и прочие — это же символ современной истории, это не фильмы о Риме только.

Реклама: Сейчас на пятом канале идет телесериал «Рим», и это блестящий телесериал, и мне кажется, что те, кто его посмотрит, и поймут глубже проблему Цезаря, и точнее соотнесут ее с современностью.

Кургинян: Все хотят быть Цезарями. До сих пор «Цезарь» — это слово, которое притягивает к себе. Россия столетиями сражалась за «Третий Рим». Что такое «Третий Рим» если нет Рима как такового? Между прочим, вопрос о том с чего началась современная цивилизация: с античной Греции или с античного Рима очень сложный, и он тоже стоит на повестке дня. Кроме того, это конечно вопрос о политической системе. Что важнее: политическая система или государство? Перефразируя одного известного политика можно сказать: политические системы приходят и уходят, а государства остаются. Государство для политической системы или политическая система для государства? И наконец, третий вопрос: Всегда ли есть одна из политических систем, которой мы называем «демократия», столь оптимальна? Если она такая оптимальная, то почему она меняется на другую? В силу исторических причин, в силу злодейства отдельных людей, не нужны ли государству иногда другие политические системы?

Я напомню вам, что в фильме «Великая Шахматная Доска» Збигнев Бжезинский опять возвращается к тому, что Америка будет Римом. Римом и только Римом. Значит слово Рим живо, оно насыщено гигантской исторической энергией. Народ, который забыл свою историю, обречён на то, чтобы жить без нее рабом. Государство — это средство, с помощью которого народ длит и развивает свою историческую миссию и свое историческое предназначение. Если мы забудем историю — мы будем без нее. Это важно. Спасибо.

Сванидзе: Теперь, короткий перерыв, после чего мы приступим к слушаниям. В эфире «Суд времени». Слушания на тему: «Юлий цезарь: губитель республики или спаситель государства?». Вопрос обеим сторонам: были ли новые политические тенденции в римской жизни совместимы с республиканским строем?

Прошу, сторона обвинения.

Млечин: Благодарю вас, ваша честь. Могу ли я предложить допросить свидетеля Генадия Михайловича Левицкого — автора книги «Гай Юлий Цезарь: злом обретенное бессмертие».

Сванидзе: Прошу вас.

Левицкий: Да, спасибо.

Млечин: Геннадий Михайлович, давайте для начала расскажем суду и всем, кто за нами наблюдает, что Цезарь был каким человеком: беззаветным

патриотом отечества, который только и думал о том, как укрепить родное государство или он был умелым политиком, хорошим полководцем, замечательным интриганом, который в общем заботился о личной власти?

Левицкий: Дело в том, что римскую историю двигало честолюбие. Оно же его и погубило. Началось это не с Цезаря, а с Мария, я считаю. Когда он завел собственную армию. Не римскую армию, а собственную, свое войско. Если бы Гая Мария сбросили с Тарпейской скалы, то тогда бы сегодня мы могли, наверное, воскликнуть «Не прикасайся ко мне, я — римский гражданин!»

Млечин: А Цезаря никто не сбросил, он дошел до вершины власти. Так все-таки Цезарь... Вот расскажите, вы знаете очень много, вы написали книгу об этом человеке. И так все-таки кто он: честолюбец, человек, который нацелен на обретение личной власти или тот, кто только думал о благе государства?

Левицкий: Ну это человек удивительный. Такие люди рождаются раз в 2 тысячи лет, наверное. Потому что весь Рим был настроен сохранить республику. 99,9% хотели сохранить республику — они настолько ненавидели диктатуру. Но Цезарю удалось свергнуть республику.

Млечин: То есть вы хотите сказать, что никаких объективных предпосылок для того, чтобы уничтожить существовавшую тогда, пусть скромную, но существовавшую тогда демократию, в принципе не было? Это его личная воля и его власть?

Левицкий: Абсолютно не было. Надо было только сделать так, чтобы закон работал.

Сванидзе: Прежде чем передать слово стороне защиты, я прошу уважаемых свидетелей, которые занимаются древним Римом и фигурой Гая Юлия Цезаря, помнить о том, что не все наши телезрители столь же компетентны, как они, и поэтому, называя какое-нибудь имя или говоря о каком-нибудь событии, нужно объяснять, что или кто имеется в виду. То есть, скажем, прозвучало имя Гая Мария — это современник Цезаря, крупный римский военачальник и реформатор Римской армии, даже родственник Цезаря. Цезарь был, если мне память не изменяет, родственником его по линии жены. В таких случаях объясняйте, что имеется в виду, прошу вас.

Сторона защиты может задать вопрос свидетелю обвинения.

Кургинян: То есть вы хотите сказать, что 99,9% римского населения как бы поддерживало республику? У вас есть социологические опросы?

Левицкий: Нет.

Кургинян: А откуда эта цифра?

Левицкий: Я не вижу ни одного человека, который был бы против республики кроме Цезаря. Вы можете назвать хотя бы одно лицо древнего Рима, которые было против республики?

Кургинян: Назовите мне хотя бы одного историка, который не считает, что с моментом прихода Цезаря республиканский строй был исчерпан. Кто это? Конкретно.

Левицкий: Причем здесь конкретно историки? Вы назовите мне хоть одного человека который выступал против республики? Катон, Помпей...

Кургинян: Хорошо, я понял ваш ответ.

Сванидзе: Позвольте внести некоторые уточнения в дискуссию. Исчерпанность республиканского строя и настроение граждан Рима — это разные вещи? Что касается свидетеля, то совершенно очевидно, что он не имел ввиду конкретную цифру — это был образ.

Кургинян: Хорошо, замечательно. Теперь вы назвали уже Мария. Марий — это предшественник Цезаря?

Левицкий: Ну естественно.

Кургинян: Если это так — значит кризис начался не при Цезаре? Кризис республики начался...

Левицкий: Кризиса никакого не было. Была борьба и честолюбие.

Кургинян: Понятно, и Сулла тоже не было? Был еще такой Сулла, он тоже залил кровью Рим до Цезаря. Этого тоже не было?

Левицкий: Сулла был. Кризиса как такового не было.

Кургинян: Скажите, пожалуйста: кто сбросил Мария со скалы?

Левицкий: Никто не сбросил, а надо было бы.

Кургинян: То есть это ваше желание?

Левицкий: Да.

Кургинян: Понятно. Не уточните ли вы, что с ним происходило на самом деле? То есть вы здесь рассказываете историю по принципу: «если бы я был директором», да?

Сванидзе: Как кончил свои дни Марий? (обращаясь к Левицкому)

Левицкий: Ну умер.

Сванидзе: Его никто не сбрасывал со скалы?

Левицкий: Ну не успели, не успели.

Сванидзе: Спасибо.

Прошу вас, сторона защиты, Сергей Еврантович. Ваш тезис, ваш свидетель.

Кургинян: Прежде всего я бы хотел, чтобы вывели первое доказательство короткое.

Сванидзе: Доказательство защиты, пожалуйста.

Кургинян: Я все-таки хочу исторические вопросы обсуждать с какими-то доказательствами без 99%.

Тацит — это древний историк.

Материалы по делу: Тацит. История: «Раздоры между сенатом и плебсом: то буйные народные трибуны, то властолюбивые консулы одерживали верх друг над другом. На Форму и на улицах Рима враждующие стороны пробовали силы для грядущей гражданской войны. Вскоре вышедший из плебейских низов Гай Марий и кровожадный аристократ Луций Корнелий Сулла оружием подавили свободу, заменив ее самовластием. Явившийся им на смену Гней Помпей Магн был ничем не лучше, только действовал более скрытно. И с этих пор борьба имела одну лишь цель – единовластие.»

Кургинян: А теперь я хочу предоставить слово Татьяне Владимировне Кудрявцевой, доктору исторических наук, блестящему ученому, заведующему кафедры всеобщей истории РГПУ имени Герцина. Татьяна Владимировна, я бы хотел, чтобы вы сказали нам: республика к моменту, когда пришел Цезарь, находилась, как говорится «в шоколаде» или в несколько в другом состоянии?

Кудрявцева: Во-первых, я хочу обратить внимание высокому суду и аудитории на то, что свидетельства Тацита — великого Римского историка, дорого стоит, потому что Тацит испытывал самые нежные чувства к Римской республике и ненавидел деспотизм императоров.

Во-вторых, конечно республика давно уже была в состоянии кризиса. Начиная еще с конца II века до н.э. То есть, лет так за 80 до начала гражданской войны между Цезарем и Помпеем. Это, кстати, вторая гражданская война. Первая, кровавая гражданская война, была война между Марием и Суллой. А до этого была еще так называемая «Гракханская смута», в результате которой погибло несколько тысяч Римских граждан.

Республика была больна. В чем причина этой болезни? Все очень просто. Вся система государственной власти, политическая структура Римской республики... Кстати, дьявол — в определениях, сторона обвинения играет определениями, никакой демократии в Риме не было, была аристократическая республика. Власть находилась в руках аристократов прежде всего. Народное собрание существовало, но реальная власть, подчеркиваю — это единодушное

мнение всех древних и большинства современных историков — была именно в руках сената. Также, как и само понятие республика — это государство. Цезарь — первый сторонник республики в Риме. Не 99%, а один Цезарь против. Цезарь главный сторонник государства, порядка.

Сванидзе: Я прошу прощения, республика переводится как?

Кудрявцева: «Общее дело» по латыни. Вообще это термин, который обозначает государство. Государство без анархии, без хаоса, стабильное и успешно функционирующее. Вот что такое республика в римской республиканской модели.

Так вот, почему была больна республика? Очень просто. Вся система власти была заточена под небольшой город-государство, каким Рим был в первые века своей истории. Начиная с III века до н.э. (2,5 века до Цезаря.) Рим приступил к «великим завоеваниям» — так называется эта эпоха. И из маленького города-государства превратился в столицу огромной территориальной державы. Вот пока Рим покорял Италию еще можно было переварить Италию с той системой власти, которая была обособлена для города-государства. Территориальную державу эта система власти переварить не могла. Она должна была быть откорректирована. Был вариант пойти по пути реформы — сенат от этого отказался. Пришел Цезарь.

Кургинян: Начиная с сегодняшнего дня я буду говорить Тацит, а не ТацИт как привык с детства, спасибо.

Сванидзе: Марина Владимировна, у меня к вам уточняющим вопрос: когда жил Тацит?

Кудрявцева: Тацит жил в конце I века н. э. — начало II века н.э.

Сванидзе: Следовательно, он не был современником Цезаря?

Кудрявцева: Он не был современником Цезаря, но когда он был ребенком, он еще мог говорить с теми людьми, которые...

Сванидзе: Которые, когда были детьми...

Кудрявцева: Ветераны второй гражданской войны.

Сванидзе: Все понятно.

Сторона обвинения может задать вопрос свидетелю защиты.

Млечин: Татьяна Владимировна, конечно не бывает никогда идеальных моделей, господа. Где же, когда бывают идеальные модели, идеальные республики? Вот мы щас живем в республике — у нас демократия, разве можно сказать, что наше общество страшно этим довольно? Но разве можно сказать, что недостатки республики, трудности, которые она переживает и

кризисы, в которые она периодически впадает — что избавиться от этого можно только тем, что ее уничтожить? Вы полагаете так?

Кудрявцева: Я могу ответить?

Млечин: Конечно.

Кудрявцева: Дело в том, что Цезарь не уничтожал республику, как вот вы пытаетесь опять же вести в заблуждение аудиторию.

Млечин: Нет-нет, я спросил, даже не употребив имя «Цезарь». Я задал вопрос в самой общей форме.

Кудрявцева: Цезарь не уничтожал республику, Цезарь взял так называемые «республиканские элементы», при нем продолжал функционировать Сенат. Да, контролируемый диктатором, но Сенат продолжал собираться, при нем продолжало собираться народное собрание, которые выбирало должностных лиц, которых рекомендовал Цезарь. Кстати, вы несколько раз употребили слово «демократия». Так вот, Цезарь был творцов идеи управляемой демократии. Не господин Сурков, а именно Гай Юлий Цезарь. Вертикаль власти, выстраиваемая под, как бы авторитарного правителя...

Сванидзе: Я думаю, что господин Сурков был бы доволен такой параллели.

Кудрявцева: Ну вот и хорошо. Тогда, значит, ему комплимент. Вертикаль власти, которая контролируется первым лицом в государстве. Контроль над силовыми структурами — тогда это армия. И допущение избирательной активности на местах, потому что жизнь в италийский городах, в муниципиях, была абсолютно такой же как при республике. Собирались горожане на свои городские народные собрания, избирали своих губернаторов, мэров, то бишь — декурионов, и так далее. Цезарь контролировал только вертикаль власти. Все остальные республиканские элементы сохранены были диктатором.

Млечин: Мария Владимировна, есть некоторая разница между властителями, которые меняются через несколько лет, как определено законом: их избирают, сначала одни руководят государством, потом другие. Вот между такой системой и появлением диктатора пожизненного есть...

Кудрявцева: Конечно, конечно есть.

Млечин: И вы полагаете, что лучше, когда вот избираемых на определенный срок по закону руководителей страны, и сменяемых заменяет пожизненный диктатор, вы считаете это лучше?

Кудрявцева: Я лично так не полагаю. Я вообще сторонник демократического устройства. Только не античной прямой демократии, а представительной современной демократии. И демократия, не управляемая демократия. Но, минуточку, мы говорим о римском государстве. Римская республика должна

была ответить на вызовы времени. Римское государство в той структуре, которая существовала и не была реформирована, не была откорректирована (а такие предложения, посылы, ей делались еще, начиная с Тиберия Гракха).

Млечин: То есть просто ее слабость состояла в том, что она не сумела использовать свое... Но смена на диктатора не была прогрессивным шагом, которая привела к расцвету Рима.

Кудрявцева: Она была спасением для государства, потому что иначе бы государство было бы в хаосе.

Сванидзе: У меня еще один уточняющий вопрос к Татьяне Владимировне. Вы сказали, что сенат продолжал существовать при Цезаре, это так. Но можно ли сказать, что сенат существовал в прежнем виде или реально сенат при Цезаре превратился в совет при диктаторе?

Кудрявцева: Вы знаете, так конечно нельзя сказать, что превратился в совет при диктаторе. Заговорщики, которые убили Цезаря 15 марта 44 года — члены сената. Там существовала довольно мощная оппозиция против Цезаря. Кстати, сторона обвинения как-то забывает сказать о том, что Цезарь был, пожалуй, одним из редчайших примеров государственного политика и государственного деятеля, (причем который пришел власти по результатам гражданской войны), который по отношению к своим врагам проводил официальную государственную политику милосердия. Он всех своих врагов миловал. Его враги сидели в сенате.

Сванидзе: Замечательно, я не подозреваю его в садизме. Я вообще гражданина Цезаря ни в чем не подозреваю. Мне хочется выяснить: сенат при Цезаре, вы говорите, что там существовала оппозиция, не существовала ли она именно потому, что роль сената была сведена к минимуму при Цезаре?

Кудрявцева: Понимаете, Цезарь допустил несколько ошибок. Понятно было, что...

Сванидзе: Не говорите об ошибках. Роль сената при Цезаре была ниже чем роль сената при Римской республике? Прошу вас ответить на мой вопрос.

Кудрявцева: В старой сенатской республике, где была в каком-то смысле «корпоративная», если хотите, власть сената, конечно она была выше.

Сванидзе: Спасибо.